

ХРОНИКА ПРИТЯЖЕНИЯ

Он и она – с чего начать? Что ж, впервые *они* встретились в Германии на русском поп-рок-концерте. Выступавший коллектив «Фарфор Фюрера» возник сравнительно недавно – впрочем, за несколько лет существования уже успел распасться и вот теперь вновь воссоединиться ради тура по Европе, таким незатейливым коммерческим трюком вызвав невероятную эйфорию у почитателей.

Итак, *ему* недавно исполнилось двадцать семь, *ей* было за тридцать, и между *ними* не было ничего общего, кроме, разве что, отсутствия интереса к выступлению на сцене: *он* оказался на концерте случайно, воспользовавшись предлогом для встречи с одной рыжеволосой фанаткой творчества «ФФ», с которой слишком долго переписывался онлайн (и которая так и не пришла – по причине сильнейшего желудочного отравления). А *ее* притащил русский муж, уверявший, что музыка *ей* понравится, а тексты – не самое главное.

Группа рассчитывала представить в первую очередь новые, гораздо более экспериментальные композиции, однако поклонники желали слышать исключительно старые хиты – и, узнавая их по первым аккордам, начинали реветь и подпрыгивать от восторга, пьяным хором перекрикивая оригинальное исполнение. И как раз когда со сцены зазвучали строчки, где рифмовались «лубликанты» и «теории Канта», *он* в очередной раз нервно огляделся в поисках своего свидания – и взгляды *их* встретились. В это мгновение один из софитов над залом взорвался, предсмертной вспышкой озарив всё вокруг – и обнажив *его* и *ее* мысли. Пока из помещения выводили нескольких пострадавших от осколков зрителей, очень многое в жизни этих двоих сразу приобрело смысл: *он* неожиданно понял, почему иммигрировал именно в Германию, почему согласился на работу именно в этом городе, почему пришел именно на этот концерт. А *она* так испугалась осознания того, почему связала себя узами брака именно с русским меломаном, что немедля потупила взор и так сильно схватила мужа за руку, что тот вздрогнул, а потом усмехнулся, решив, что совместная вылазка была прекрасной идеей. *Он и она* отвернулись и одновременно замотали головами, чтобы избавиться от бредового наваждения, которое (как *они* предположили) было не более чем последствием комбинации крепких коктейлей; и все же *они* еще раз или два с тревожным любопытством бросали косые взгляды друг на друга.

Несмотря на то, что концерт продолжился, исполнители были сбиты с толку случившимся, стали негромко переругиваться между песнями и под конец предпочли вообще не выйти на бис, чем крайне разочаровали публику. Возмущенная толпа хлынула к выходу, и, растворившись в ней, *они* потерялись из виду. И оба тогда понадеялись, что – навсегда.

Но забыть не смогли.

Ясным весенним днем две недели спустя *они* столкнулись на блошином рынке, расположившемся прямо на проезжей части одного из центральных переулков. Среди палаток с пивом и стендов с самодельными украшениями из кожи, оглохнув от пошлых шлягеров и праздной болтовни, *она* искала подарок сестре на день рождения, а *он* просто добирался после работы домой, отказавшись от обходной дороги по параллельной улице. После того, как оба взглянули друг другу в глаза, *они* замерли и не смогли притвориться незнакомцами. Задавшись мучительным вопросом, почему сегодня на *ней* именно эта

застиранная блузка, *она* криво улыбнулась, *он* же приветственно поднял руку – и *им* обоим показалось, что в этот миг земля сотряслась и грянул гром. Только то были вовсе не тектонические процессы и даже не атмосферные явления: чуть дальше по улице произошел первый в городе террористический акт (ответственность за который позже взяла на себя одна запрещенная религиозная организация). Взрывчатка была заложена под каруселью как под «рассадником греха», и когда прогремел взрыв, выжившие страшно закричали и стали разбегаться в разные стороны. Из окон близлежащих домов дождем посыпались стекла, в припаркованных машинах завывли сигнализации, а переулок заволокло белым не то дымом, не то облаком пыли, и прежде чем *они* сообразили, что происходит, *его* сбили с ног спасавшиеся бегством. *Он* больно ударился затылком о бордюр мостовой – и последнее, что *он* увидел до того, как окончательно потерял сознание, был исполинский силуэт некоего добропорядочного гражданина, подхватившего *ее* на плечо и скрывшегося с *ней* в расплывающемся тумане...

В больнице у *него* диагностировали шок; впрочем, сильной травмы головы обнаружено не было, и *он* скоро вернулся домой. Теперь *им* овладела решимость во что бы то ни стало разыскать *ее* – для чего *он*, как истинный современный принц, зашел в интернет и принялся изучать в социальных сетях списки гостей прошедшего концерта. После ознакомления с несколькими сотнями женских профилей разной степени откровенности *он* уже, было, отчаялся, как вдруг обратил внимание на один – с невзрачным именем и тираннозавром в медицинском белом халате на аватарке. Это действительно был *ее* аккаунт. Убедившись, что *она* жива и здорова, *он* напряженно, до конца, просмотрел все опубликованные на *ее* странице смешные видеоролики, прочитал статью о сборе подписей в защиту какого-то местного профессора, долго исследовал фотографии семейных путешествий на Гоа и почему-то в Узбекистан, силясь даже в истории «лайков», словно в почерке, разобрать *ее* характер. Но в итоге выяснил лишь одно: у *них* совершенно не было общих интересов и вкусов. Ни в кино, ни в литературе, ни в музыке – даже в политике *они*, судя по всему, придерживались разных убеждений. О чем говорить, если *они* и внешне не подходили друг другу?! *Она* была высокой, худой германкой с длинными прямыми волосами, *он* же – низкорослым, кучерявым иностранцем со склонностью к полноте и неприязненным отношением к немецкому менталитету. *Они* не были похожи ни на знаменитостей, ни на бывших, ни на родителей – так что, сердцу и разуму не было за что зацепиться, зато тело знало, что *они* должны были быть вместе. То была необъяснимая страсть, которая поначалу смущала *их*, а затем постепенно стала сводить с ума.

Волнуясь как школьник и чертыхаясь вслух, *он* написал примерно семнадцать разных вариантов сообщения: первое было глупейшим, вроде «Привет, как дела?»; пятое было самым развернутым, с описанием *его* биографии и перечислением всех регалий; одиннадцатое было в стихах, а двенадцатое было самым грубым, с прямым предложением секса. В результате, *он* остановился на том, где спрашивал, обратила ли *она* на *него* на концерте внимание и, если да, не хочет ли пересечься с *ним* на кофе.

Получив *его* записку, *она* кивнула самой себе, словно только этого и ждала, и, недолго думая, ответила русским «Да!». Весь оставшийся день *она* размышляла, не слишком ли опрометчиво было с *ее* стороны поставить в ответе восклицательный знак.

В условленный час *он* сидел за столиком в кафе и читал русскую прессу, где, среди прочего, сообщалось, что после единственного выступления в Германии группа «Фарфор

Фюрера» вновь распалась (видимо, на «Фарфор» и на «Фюрера»). Он смял газету и начал фантазировать, как *она* сейчас, возникнув из ниоткуда, подойдет и сядет по правую руку от *него*. А что, если это будет не *она*? А *ее* муж? Тот вполне мог завладеть *ее* смартфоном, прочитать сообщение и жаждать теперь наказания дерзнувшему. Пока он предавался воспоминаниям о том, как дрался много лет назад в другой стране, в совсем другой жизни, – в дверном проеме появилась *она*. На этот раз улыбнулся он, а *она* попыталась повторить тот приветственный жест рукой, какой он сделал при последней встрече.

И всё же, прежде чем он успел приподняться, чтобы отодвинуть для *нее* стул, – *ей* на шею, с невнятным бормотанием, бросилась некая встрепанная девица и увлекла *ее* по направлению к барной стойке. Выяснилось, что то была старая приятельница, как раз узнавшая у врача свой страшный диагноз и надеявшаяся найти забвение в алкоголе. Приятельница говорила, говорила, называла «счастливой случайностью» тот факт, что *она* зашла именно в это заведение, потом плакала, потом истерично смеялась, заставляя каждый раз вздрагивать официанта. А *она*, сидя к *нему* спиной, в основном молчала и лишь изредка поглаживала подругу по плечу. Наблюдая за этой сценой, он словно находился на операции под неудачной общей анестезией – всё видел, слышал звуки вокруг, испытывал боль, но не мог закричать об этом в голос. Он допил кофе, через какое-то время молча расплатился и вышел на улицу. Яркий свет и транспортный шум заставили *его* ненадолго зажмуриться.

Когда он, уже в нескольких кварталах оттуда, пристегивался на заднем сиденье такси и произносил свой адрес, в машину внезапно запрыгнула *она*, запыхавшись, с шумом, шелестом, множественными шорохами своего несуразного плаща, опустилась рядом и, наконец, перевела дух, упорно не глядя в *его* сторону. Поперхнувшись собственным голосом, он повторил адрес – и машина тронулась. При этом душный салон наполнился такой звенящей энергетикой, что даже таксист угадал, что радио лучше выключить (где как раз рассказывали о невероятной вспышке криминала в городе за минувший час).

В накаленной тишине *они*, каждый глядя в свое окно, задыхались от разливавшегося по телу предвосхищения. Хотя оба, несомненно, были слегка сконфужены, поскольку ничего подобного с *ними* никогда не происходило: он вспоминал, убрано ли у *него* дома; *она* размышляла, стоило ли в подобной ситуации начать непринужденную беседу, скажем, о погоде или проблеме беженцев. Не выдержав, *они*, будто невзначай, соприкоснулись пальцами на сиденье между *ними* – и вмиг одернули руки, так как обоим больно ударило током. По недомыслию предположив, что дело всего лишь в статическом электричестве от одежды, *они* от испуга и облегчения громко захохотали, тотчас забыв о напряжении между *ними*. Всё стало простым и не требующим объяснений – однако взрыв смеха за спиной оказался настолько неожиданным для отвлекшегося водителя, что такси незамедлительно врезалось на перекрестке в борт белого лимузина с лентами на капоте.

Они покинули машину несколько оглушенные. Таксист с окровавленным лицом заглядывал в окна свадебного лимузина и надрывно причитал; вокруг быстро собиралась толпа зевак. *Она* оглянулась, сделала в голове какие-то нехитрые вычисления и, решительно взяв за руку, потащила *его* в сторону отеля, выглядывавшего из тени платанов на углу. Следуя за *ней*, он чувствовал себя маленьким мальчиком, ведомым

родительницей на заклание в парикмахерскую, и даже прикинул, насколько уместно будет немного посопротивляться и поныть.

Позже в номере *они* раздевались по обе стороны кровати – нарочито медленно, тяжело дыша, с жадной, нечаянной вседозволенностью разглядывая друг друга. Казалось, *они* сдерживали бушевавшие желания, боясь напугать самих себя. И когда *они* покончили с одеждой, то обошли кровать и стали тихо сходиться, ощущая босыми пятками жесткий ворс дешевого коврового покрытия и прикрывая глаза перед назревающим первым поцелуем.

В этот почти трогательный момент на *ее* мобильный позвонила сестра. *Она* сразу же бросилась к телефону, точно после всего произошедшего догадывалась, что ничего хорошего подобный звонок сулить не мог. И действительно: закончив разговор уже на полу, сжавшись голым комочком у минибара, *она* глухо произнесла, что только что умерла *ее* мать. *Он* промямлил что-то о соболезнованиях, сообразив, что ни о каком соитии речи больше быть не могло, а *она* заплакала, сама не отдавая себе отчета, были ли это слезы лишь из-за случившегося горя, которое *она* еще была не в состоянии осознать, или отчасти из-за очевидного факта, что *они* были парой, которой не суждено было быть вместе. Карма, судьба, проклятие – называйте, как хотите: стыдливо-суетливо одеваясь, *они* понимали без слов, что *им* не стоило больше встречаться, ибо каждый *их* шаг навстречу друг другу грозил несчастьями для окружающих.

С тех пор *они* долго не виделись. Теория о разрушительной силе *их* близости легко находила подтверждение в повседневной жизни: *они* могли, например, на протяжении дней слышать в теленовостях только позитив о подъеме экономики, новых открытиях в науке и технике, торжественных свадьбах королевских особ. Но стоило *ей* задуматься о *нем*, а *ему* – лишь представить *ее* рядом с собой, вспомнить ложбинку над ключицей, оголившейся еще тогда, на концерте, как тень опускалась на экран телевизора: стремительные падения мировых валют следовали за цунами и ураганами, уносившими сотни жизней, а перепуганные ученые пожимали плечами, столкнувшись с ужасными, доселе неизвестными эпидемиями. Тогда *он* включал порнографию и старался утешить себя мыслью о том, что у других девушек тоже бывают ложбинки, а *она* погружалась в хлопоты в связи с распродажей вещей из маминой квартиры.

Вопреки всему, вождеделение изнуряло: болезненная зависимость от того, что *они* никогда не пробовали и вряд ли смогут попробовать, погрузила *их* в темный, жаркий морок, мешавший воспринимать реальность адекватно. *Он* сильно похудел. *Его* друзья, ощущая себя чужаковатыми второстепенными персонажами романтических комедий (и тем самым катастрофически перепутав жанр), как умели, выражали сочувствие и предлагали помощь. У *них* даже нашлись общие немецкие знакомые, которые никак не желали понять *его* страданий, утверждая, что *она* «прибабахнутая филателистка с лошадиным лицом».

Ее подруги, естественно, так ни о чем и не узнали, благо после свадьбы *их* осталось немного. Разве что коллеги по лаборатории, где *она* работала, отметили неожиданный для *нее*, особый садизм в экспериментах над мышами и кроликами. А когда *она* разобралась с квартирой матери, то решительно взялась за собственную, принявшись переставлять мебель и менять цветовую гамму обстановки. Почесав свою модную бородку, муж высказал предположение, что у *нее* «окаянные дни» (он искренне считал себя остроумным

человеком и каждый раз придумывал новые названия для ПМС, а *жену*, кстати, именовал «Кисюнь»), и уехал на неделю в командировку.

И всё бы ничего, и жизнь, быть может, текла бы как прежде, да вот однажды, в конце лета, *она* всё-таки приснилась *ему*. Изначальный сюжет был явно навеян просмотренным накануне фильмом, поскольку *они* вдвоем, в мешковатых комбинезонах, бегали по дому *его* детства, охотясь за привидениями, а затем, забыв о своей миссии, стали заниматься любовью прямо на кухонном столе, в обволакивающих облаках муки, между свежеслепленных пельменей. Наутро *он* уже не помнил содержание своего злополучного сна, а потому, когда узнал из новостей о многочисленных маршах неонацистов по стране и погромах, был уверен, что никак к этим трагедиям не причастен. Более того: *он* даже смог уверить себя в том, что все происшествия в прошлом были не более чем нелепым совпадением, а значит – нет ничего невозможного или непреодолимого. И тогда *он*, рассудив, что обычное время траура миновало, вновь написал ей. Что, мол, если *она* все еще хочет видеть *его*, то *он* будет ждать *ее* в том же отеле. Там-то и тогда-то.

Короткий ответ пришел через полчаса – в этот раз на немецком, без восклицательного знака.

Придя в отель, *он* был слегка озадачен, столкнувшись в вестибюле со старым плачущим портье. Выяснилось, что за время с предыдущего посещения отель обанкротился и сегодня, за сутки перед закрытием, хозяин покончил жизнь самоубийством, не справившись с потерей семейного бизнеса. Отогнав неприятные предчувствия и проследовав в номер, *он* закрыл за собой дверь и первым делом разделся, аккуратно стопочкой сложив одежду на стуле, после чего рассудил, что *ей*, наверно, захочется в этот раз именно раздеть *его*, как *ему* хотелось раздеть *ее*, а потому *он* оделся вновь – и, стараясь унять дрожь, сел на краешек кровати и стал ждать. Наконец, в дверь постучали. И тогда произошло то, чего *он*, на самом деле, опасался в кафе: на пороге стоял *ее* муж. Несмотря на то, что на пути к отелю была придумана красивая, презрительно-уничижительная речь, и то, что насилие противоречило его повседневной философии, при виде *любownika* своей *жены* муж молниеносно потерял контроль над собой и ударил *конкурента* в лицо. Услышав хруст собственного носа и сразу упав навзничь, *он* закричал, а про себя грустно подумал, что инстинкт самосохранения отказал *ему*, видимо, окончательно. Муж продолжал бить еще какое-то время, потом устал, поднялся и, выдержав драматическую паузу, всё же выдал заготовленный монолог. И вот тут *он*, откашливаясь, лежа на полу обанкротившегося отеля, стал хрипло смеяться – оттого что *ее* муж, видимо, был не в курсе того нюанса, что только что избил соотечественника, а потому говорил по-немецки, с диким акцентом, путаясь в артиклях и порядке модальных глаголов в придаточных предложениях, из-за чего само гневное послание заблудилось где-то по дороге. Вид смеющегося в луже собственной крови человека был настолько пугающим, что муж побледнел и, закрыв рот рукой, быстро скрылся за дверью.

Продолжая рассматривать лепнину на потолке, *он* шмыгал носом и пытался убедить себя в том, что в следующий раз обстоятельства *его* непременно убьют. Но назад пути не было.

И тогда *он* начал действовать.

В тот день, когда *он* нашел *ее* адрес, *она*, в очередной раз испытал голод и одиночество рядом с супругом, заперлась в ванной и перечитала статью о наказаниях за

измену в восточных странах. Описанные ужасы помогли *ей* выглядеть за завтраком радушной и любящей хозяйкой. После чего, посетовав на отсутствие сапожек, подходящих к купленной на прошлой неделе юбке, *она* заявила, что отправляется на шоппинг, и выскользнула из дома еще до того, как *ее* муж вспомнил, что это было воскресенье. Перевела дух *она* уже за углом. Прислонившись к шершавой стене цветочного магазина, *она* только сейчас заметила мужчину, стремительно и целенаправленно приближавшегося к *ней* (поначалу, из-за *его* сломанного носа и синяков, которые еще не успели сойти, *она* действительно не узнала *его*). Однако *он*, зная о возможных последствиях, заранее продумал каждое свое движение: не дав *ей* опомниться или вскрикнуть, *он* обхватил *ее* шею рукой, притянул к себе и поцеловал в губы. Затем так же резко отстранился и быстро, без оглядки, зашагал по улице прочь, оставив в *ее* руках конверт – с картой, билетом и подробными предписаниями. *Она* ошалело смотрела *ему* вслед; *он* же, тотчас получив сообщение от родственников на мобильный, как раз читал о том, что на *его* родине началась война. Чувствуя *ее* взгляд и потому не замедляя шаг, *он* тихо застонал, но на тот момент *он* уже был совершенно убежден в том, что происходившее было необратимым процессом, а *они* – лишь орудием вселенной, частью некоего непостижимого плана.

Ее оправдания были несколько иными, хотя *она* тоже поверила в то, что выбора у *них* не было. Утром, лежа в постели с закрытыми глазами, *она* всё прислушивалась к тому, ушел ли муж на работу, и раз за разом мысленно повторяла порядок намеченных действий. Оставшись одна, *она* собрала все необходимые вещи в большой походный рюкзак – спокойно, уверенно, словно собиралась вернуться. Избежав прощания лицом к лицу, единственное, что *она* почему-то посчитала важным перед побегом, так это сжечь всю коллекцию почтовых марок, среди которых свои любимые – с диснеевскими принцессами. Глядя на огонь в умывальнике и обуглившиеся, разлетающиеся по кухне разноцветными бабочками обрывки, *она* странно улыбалась самой себе. Позже, уже из самолета, *она* написала мужу, отцу, которого впервые за несколько лет увидела на похоронах матери, сестре и еще нескольким подругам, с которыми вместе училась на факультете биохимии, – о том, что всех любит, просит понять и простить. Тем не менее, *она*, как ни старалась, не может иначе, *она* всегда была своенравным и свободолюбивым человеком – и, возможно, этот мир вовсе не заслуживает права на существование, если судьба намерена принимать подобные решения за нас. Поэтому будь что будет – но исключительно на *ее* собственных условиях... После чего *она* извлекла из своего телефона SIM-карту и сломала ее как печенье пополам, а по прибытии в Финляндию без малейшего сожаления избавилась и от всех прочих электронных девайсов – всё по *его* инструкциям.

В двухместном кабриолете, взятом в аэропорту на прокат, *она* в вынужденной тишине (чтобы радио не смутило очередными известиями) долго двигалась по автостраде на север, минуя толпы демонстрантов, огни городов, рекламы бензоколонок, – *он* умышленно выбрал место, где *их* никто не мог знать и не вздумал бы искать, место, находившееся вдали от цивилизации и, соответственно, средств массовой информации, в стороне от всех основных авиамаршрутов (ведь падающие самолеты могли также отвлечь от намерений). Бросив машину посреди поля, последние километры *она* шла пешком, с рюкзаком за плечами, по глухому финскому лесу, до которого *он* должен был добраться с противоположной стороны – на моторной лодке по воде. Сквозь сырость соснового бора,

под оглушительный хруст веток под ногами, огибая болота и не обращая внимания на россыпи обольстительных ярко-красных и синих ягод, – *она* отважно шагала вперед, следуя ориентирам, обозначенным *им* на карте. В конце концов, *она*, как и рассчитывала, успела еще до сумерек, выйдя на заветную поляну с заброшенным срубом, уставившимся на чужеземку пустыми глазницами покосившихся окон. Внутри было затхло и пыльно – природа давно забрала под свою власть то, что когда-то принадлежало человеку, облагородив интерьер по-своему. *Она* вздохнула (значит, всё должно было произойти именно здесь?) и для начала выпила водки, чтобы согреться. Затем выгнала наружу семейство енотов, накинула тряпки на разбитые окна, затопила печку и расставила свечи по углам и полкам. При новом освещении, под треск горящих поленьев, в избушке стало даже уютно, однако *ей* было всё равно – застилая постель привезенным белоснежным бельем, *она* думала о другом: *он* опаздывал (правда, по причине некоторых случившихся по дороге трагедий, на которые *он* нетерпеливо закрывал глаза). Выглянув в живую черноту леса, *она* даже забеспокоилась, не струсил ли *он*, отчего с вмиг навалившейся усталостью почувствовала себя дурой, но тут скрипнула дверь, из *его* рук выпали фонарик и чемоданчик, полный контрацептивов, и *они* бросились в объятия друг друга, чтобы наконец обрести самих себя.

Больше *их* ничего не сдерживало.

Они стали совокупляться столь остервенело, что в считанные мгновения потеряли всякий человеческий облик, отдавшись друг другу без остатка, без памяти, заполонив собою всё пространство, заменив весь мир: одежда трещала по швам и разлеталась лоскутами в разные стороны, грозя зацепить пуговицами глаза. В *их* шепоте не было слов, в *их* движениях не было любви, но *они* были одним целым, выворачивались наизнанку точно лайковые перчатки, бились в конвульсиях и кричали в голос от боли и наслаждения, не опасаясь того, что соседи начнут стучать по батарее или вызовут полицию, – на десятки километров вокруг не было ни одной живой души, кроме непуганых птиц и диких животных.

Время смущенно отвернулось от *них*, и тогда секунды превращались в тягучую вечность, которая тут же остывала и рассыпалась на часы и минуты, и за ночью наступил день, поспешно сменившийся следующей ночью. Снаружи, кажется, бушевала буря, тщась изо всех сил сокрушить скрипучую цитадель плотской страсти, стерев его с лица земли, хотя, вполне возможно, что *им* действительно лишь так казалось. Во всяком случае, *они* продолжали оставаться тварями человеческими, поэтому в определенный момент усталость всё же взяла верх – и, совершенно обессиленные, *они* вдруг обмякли, притихли и счастливо уснули, обхватив друг друга руками и ногами, прямо посреди очередного акта, который, если верить статистике одного глянцевого журнала, мог бы стать историческим рекордом.

Когда поутру *он* проснулся, то решил *ее* пока не будить, однако не удовлетворить свое любопытство *он* не мог. С усилием поднявшись с постели, *он* медленно, чуть пошатываясь, подошел к окну, смахнул отяжелевшие от влаги тряпки – и стал внимательно разглядывать розовый, девственно-чистый рассвет, жирным пятном расплывшийся над горизонтом.

После чего *он* слабо улыбнулся и пробормотал:

– Забавно... Конец света я представлял себе как-то иначе.